

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.1

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Профессиональное становление Ф. Ф. Зелинского и его судьба

Рассматривается процесс становления Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944) как крупнейшего отечественного специалиста по античной истории в контексте исторических событий конца XIX – первой половины XX в.

Ключевые слова: гимназия, латинский и древнегреческие языки, Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет, профессор, античная культура.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

F. F. Zelinsky's Professional Formation and His Destiny

The process of Faddej Frantsevich Zelinsky's formation (1859–1944) as the greatest domestic expert in Antique History in the context of historical events of the end of the XIX – the first half of the XX century.

Keyword: a gymnasium, Latin and Ancient Greek languages, St.-Petersburg University, History and Philology Faculty, a professor, antique culture.

Подготовка профессиональных историков в дореволюционной России осуществлялась в нескольких университетах, причем ведущие позиции в этом вопросе занимали Московский, Санкт-Петербургский и Харьковский университеты. В наших предыдущих статьях мы писали о становлении В. П. Бузескула и Р. Ю. Виппера как историков харьковской и московской исторических школ [1]. В данной статье речь пойдет о Фаддее Францевиче Зелинском [2] как об одном из наиболее ярких представителей петербургской школы.

Фаддей Францевич (Гадеуш-Стефан) Зелинский (1859–1944) родился в деревне Скрипчинцы Каневского уезда Киевской губернии на территории польской Украины, на земле древней Речи Посполитой «с ее гонором, европейским лоском и презрением к крепостным украинцам» [3]. В семье Зелинских, которая причисляла себя к европейцам, говорили и по-русски, и по-польски, но языками подлинной образованности считали латынь и французский, изъясняться на которых детей приучали с малолетства.

В четыре года Фаддей Зелинский лишился матери. Его отец, служивший в Санкт-Петербурге, забрал детей к себе, поручив их воспитание своей новой жене, русской по происхо-

ждению, которую Ф. Ф. Зелинский вспоминал с большой душевной теплотой. Она не только выявила филологическую одаренность пасынка, но и привила ему любовь к неспешным кропотливым грамматическим занятиям. В десятилетнем возрасте мальчика отдали учиться в знаменитую немецкую гимназию при евангелической церкви Святой Анны, где он досконально изучил немецкий и древнегреческий языки, а также приобрел интерес к античному миру, изучению которого впоследствии и посвятил свою жизнь. Уже в гимназии «прилежный и даровитый ученик» стал подавать большие надежды [4] и, получив известность лучшего гимназиста, приступил к работе помощника преподавателя [5].

В 1876 г. за успехи в учебе Ф. Ф. Зелинский получил стипендию сроком на три года для учебы в филологической семинарии, открытой на средства российского правительства при Лейпцигском университете. Эта стипендия оказалась для него как нельзя кстати, потому что в четырнадцать лет, лишившись отца, он остался круглым сиротой, вынужденным зарабатывать себе на жизнь частными уроками [6]. Классическая гимназия в Лейпциге была создана по инициативе председателя ученого комитета Министерства народного просвещения А. И. Георгиевского.

Гимназия, став любимым творением А. И. Георгиевского, находилась под его покровительством, а питомцы "Altertumswissenschaft", быстро получившей известность в Германии, были окружены его особым благоволением [7].

В этом немецком центре классических языков Фаддей занимался только на отлично, что и позволило ему продолжить образование в Лейпцигском университете. Находясь под опекой видного филолога О. Риббека, «образованнейшего и просвещеннейшего» человека, которого Ф. Ф. Зелинский с уважением называл «мой учитель» [8], талантливый юноша с увлечением изучал древнюю историю и классическую филологию, а в 1880 г. опубликовал свое первое сочинение «Последние годы Второй Пунической войны». В этом же году он представил первую часть своей книги как диссертацию на степень доктора философии в Лейпцигском университете. За этой победой последовали новые награды: разрешение заниматься исследованиями в библиотеках Мюнхена и Вены, а также двухлетнее путешествие по странам античного Средиземноморья – Греции и Италии [9].

В 1882 г. Ф. Ф. Зелинский вернулся в Россию, где через год в Санкт-Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию, основное содержание которой было изложено на страницах Журнала Министерства народного просвещения [10]. В 1885 г. в Лейпциге вышло в свет новое сочинение Ф. Ф. Зелинского «Членение древнеаттической комедии», которое было представлено автором на соискание ученой степени доктора классической филологии. Диссертация была успешно защищена в Дерптском университете, что и открыло перед молодым ученым возможность начать преподавательскую карьеру в Санкт-Петербургском университете. В 1887 г. Ф. Ф. Зелинский был назначен экстраординарным, а через три года – ординарным профессором историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по кафедре классической филологии, которую он занимал до 1922 г.

Императорский Санкт-Петербургский университет занимал построенное при Петре I здание двенадцати Коллегий на Васильевском острове. Его главной архитектурной достопримечательностью был «бесконечный» – длиной в четыреста метров – коридор, который связывал все факультеты. Слева освещенный большими венецианскими окнами, а справа фланкируемый нескончаемыми книжными шкафами с поблескивающими золотом корешками старинных книг, он символизировал глубокий фило-

софский смысл Universitas – центра высшего образования, предназначенного для постижения совокупности наук, необходимых для раскрытия богатства интеллектуального потенциала личности студента. Под сводами университета – этого храма наук – соединялась молодежь различных сословий, политических и идейных ориентаций, разного достатка, образа жизни и мысли. В аудиториях, ответвлявшихся от коридора, шла интенсивная научная и общественная жизнь: стеклянные двери кабинетов пестрели объявлениями о расписаниях занятий, кружков, собраниях землячества, партийных диспутах и прочих делах [11]. Организация архитектурного пространства Санкт-Петербургского университета в немалой степени способствовала быстрому распространению слухов о незаурядных ученых и ярких лекторах, на занятия которых стремились попасть молодежь всех факультетов.

Среди наиболее популярных факультетов Санкт-Петербургского университета был юридический. Историко-филологический факультет, на котором предстояло работать Ф. Ф. Зелинскому, напротив, среди выпускников гимназий пользовался наименьшим спросом, так как для преобладающего большинства абитуриентов он был воплощением злокозненного классицизма. Для того чтобы сделать обучение на факультете более притягательным, слушателей «соблазняли» стипендиями, которых сюда выделяли больше, чем на другие структурные подразделения университета [12]. Преподавательский состав историко-филологического факультета, тем не менее, пользовался доброй славой, поэтому некоторым студентам, имевшим опыт обучения в Московском университете, петербургская профессура оказалась «гораздо лучше» [13].

Преподавательская деятельность Ф. Ф. Зелинского в одном из ведущих университетов России складывалась довольно удачно. Он приступил к исполнению новых для себя обязанностей в то время, когда был введен в действие университетский устав 1884 г. Одним из вдохновителей этого устава, «дух» которого оставался неизменным до 1905 г., был наставник Ф. Ф. Зелинского – А. И. Георгиевский, убежденный в том, что «классическая филология – альфа и омега всех гуманитарных дисциплин», залог блага и спасения России, оказавшейся на краю гибели после роковых событий 1 марта 1881 г. [14]

По словам известного российского историка, выпускника Санкт-Петербургского университета С. А. Жебелёва, А. И. Георгиевский, вдохновленный славой и «пышным расцветом Лейпцигской филологической семинарии», хотел создать

из историко-филологических факультетов в университетах пореформенной России образцовую школу по модели немецкой "Altertumswissenschaft", которая стала бы логическим продолжением стандартов образования, приобретенного в классических гимназиях. Видимо, полагая, с иронией замечает С. А. Жебелёв, что учащиеся классических гимназий недостаточно обучены древним языкам и восьми классов им явно не хватает, чтобы «полно и твердо» распоряжаться своими знаниями, А. И. Георгиевский решил «прибавить четыре курса – а в сущности, класса – в университете» [15]. Этот путь ему казался наиболее действенным и результативным средством в деле подготовки возможно большего количества филологов-классиков как «самого надежного оплота отечества», безразличного к безумству политических радикалов [16].

Ориентируя преподавание всех историко-филологических дисциплин на изучение классической филологии и подстраивая учебный план под ее программу, А. И. Георгиевский и его последователи пытались создать «не строго научную школу по изучению античного мира», а своего рода «оранжерею, где должно было культивироваться... расцветать и процветать только одно из ее направлений», признанное наиважнейшим, – изучение греко-римской словесности, без учета и удовлетворения научных интересов всех будущих историков и лингвистов [17].

Учебный план студентов историко-филологического факультета был рассчитан на четыре года и восемь семестров. Лекции, посвященные древним языкам («из приличия их называли лекциями по древним авторам» [18]), занимали большую часть так называемых обязательных часов: из восемнадцатичасовой учебной недельной нагрузки на древнегреческий и латынь было отведено десять часов, три лекции и два практических занятия. Оставшиеся восемь часов полагалось посвящать ««реалиям» из области классической филологии: истории Греции и Рима, греческой и римской литературе, греческим и римским древностям, истории греческого искусства, Платону и Аристотелю» [19]. «Реалии» постигались как на основных лекционных курсах (четыре часа), так и на дополнительных занятиях (четыре часа). Дополнительные занятия распределялись на две группы: дисциплины группы А должны были способствовать «наращиванию» филологической грамотности студентов через изучение ими русской и западно-европейской культуры, русской и славянской филологии, санскрита и сравнительного языкознания; предметы группы Б – исторической по направленности –

должны были расширить представления студентов по древневосточной, средневековой, новой истории, а также русской и славянской истории, включая историю церкви.

Логика и психология по новому учебному плану элиминировались; изучение философии сводилось исключительно к рассмотрению творчества Платона и Аристотеля, а истории искусств – только к разбору древнегреческого искусства [20]. Особо любознательным студентам разрешалось записываться на добавочные лекции, превышавшие установленные учебным планом восемнадцать часов. Однако эти занятия требовали выплаты дополнительных гонораров преподавателям (за одну лекцию приходилось платить по рублю), что заставляло студентов либо ущемлять себя в знаниях, либо обделять профессоров, игнорируя их труд экономией на гонораре [21].

«Такова была структура учебного плана того факультета, за которым устав все же оставил наименование историко-филологического, – не без сарказма подчеркивает С. А. Жебелёв. – Все науки историко-филологического цикла были принесены в жертву древним языкам. Они, эти несчастные древние языки, должны были стать краеугольным камнем всего университетского преподавания. Даже проверка успешности занятий студентов... должна была производиться лишь по древним языкам. Даже так называемые зачетные сочинения... могли быть представлены к зачету только на темы из области классической филологии... Центр тяжести государственных экзаменов опять-таки сосредоточивался на древних языках и... на классической филологии» [22]

Негодование С. А. Жебелёва по поводу университетского устава и созданного по его рекомендациям учебного плана, похоже, разделяли многие студенты. А как отнеслись преподаватели Санкт-Петербургского университета к нормативным документам, явно стеснявшим их профессиональную деятельность и жестко регламентировавшим ее? По словам С. А. Жебелёва, обучавшегося на историко-филологическом факультете с 1886 по 1890 г., преподаватели оказались истинными жрецами науки, стойкими борцами за подлинно научное знание [23]. Поняв, что научные подходы к изучению историко-филологических дисциплин заменяются формально-грамматическими инструкциями, они приняли навязанные им сверху руководства к сведению, но не к исполнению. Они либо саботировали «реформу» исторического образования, продолжая читать прежние курсы и удовлетворяя тем самым потребности студентов, желав-

ших специализироваться по интересовавшим их направлениям изучения истории, литературы, искусства, либо дополняли дисциплины, предложенные им новым учебным планом, сверх своей нагрузки теми лекциями, без которых серьезные занятия классической филологией считали недопустимыми [24]. Они не применяли ни карательных, ни принудительных мер по отношению к тем студентам, которые недобросовестно относились к изучению древних языков, доказывая своим отношением к происходившим изменениям то, что они являются последователями строго научного, а не «менторско-дидактического» стиля преподавания [25].

Итак, историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета не превратился в семинарию по древним языкам, несмотря на усилия ученого комитета Министерства народного просвещения и старания господина А. И. Георгиевского. Однако классические языки все же стали ведущими предметами образовательного цикла, составив сердцевину высшего исторического и филологического образования в университетах России. Вокруг греческого языка и латыни отныне кипела учебная деятельность студенчества.

Атмосфера филологического уклона учебного процесса, принудительно насаждавшегося при изучении всех гуманитарных дисциплин, превращала курсы классической словесности и классических древностей в первостепенные, основополагающие направления организации обучения, что вызывало обоснованный протест студентов. Вместе с тем этот образовательный континуум оказался весьма плодотворной средой для обретения опыта и раскрытия профессиональных качеств тех преподавателей, кто воспринимал античную историю органическим продолжением филологии. К их числу принадлежал, к примеру, Ф. Ф. Зелинский [26].

В конце 80-х гг. XIX в. он, получив кафедру, стал читать лекции по творчеству Овидия, Тита Ливия, письмам Цицерона. Исследованию и комментарию произведений этих прославленных представителей римской культуры он «предпосылал обширные и обстоятельные введения, например, о греческой мифографии, о римской историографии» [27], которые при всей их добротности и обстоятельности казались студентам «несколько скучными» [28]. Такое впечатление сложилось и у С. А. Жебелёва, видимо, главным образом потому, что молодой профессор не отрывался от своих записей (хотя впоследствии, став маститым специалистом, он порицал коллег

за отсутствие контакта с аудиторией по причине привязанности к «запискам» [29]).

Педантичность Ф. Ф. Зелинского, воспитанная в немецкой образовательной среде, и строго научный стиль, которому он пытался следовать, подражая своим немецким наставникам, проявлялись в том, что он доносил до сведения своих слушателей не только факты, но и последовательность их расположения в его записях, как то: «Глава III, параграф 2, пункт “а”» [30]. Это утомляло, а порой и раздражало аудиторию.

По мнению С. А. Жебелёва, ядром своей преподавательской деятельности Ф. Ф. Зелинский сделал практические занятия, на которых происходили критика и интерпретация избранных сочинений латинских авторов. Немало времени преподаватель уделял также переводам с русского на латинский, выбирая фрагменты из «Истории» Н. М. Карамзина или «Истории Пугачёвского бунта» А. С. Пушкина.

С. А. Жебелёв вспоминает, что Ф. Ф. Зелинский проводил разбор латинских текстов мастерски, и студенты многому у него учились, за что любили этот вид практических занятий и вспоминали о них по окончании университета с удовольствием. К сожалению, их похвал не удостоивались занятия, посвященные русско-латинским переводам. Взяв за образцы лучшие, в оценке Ф. Ф. Зелинского, исторические произведения Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, он не учел, что «стиль и дух» русской речи не соответствуют латинской, поэтому студентам никогда не удавалось переводить тексты так, как этого хотел бы преподаватель. Даже выбрав лучшего студента в качестве «рецензента» сделанных переводов, ему приходилось немало править и «окончательную редакцию» осуществлять самому. Из-за этого практические занятия казались аудитории нудными и не приносящими никакой пользы.

К тому же студенты сталкивались и с неразрешимыми организационными проблемами: в библиотеке Санкт-Петербургского университета имелся только один экземпляр русско-латинского словаря Ивашковского, так что желавшие получить семестровый зачет в срок должны были «устраивать своего рода очередь занятий» [31].

Спустя два десятка лет после начала работы в столичном университете Ф. Ф. Зелинский приобрел необходимое педагогическое мастерство, раскрыл свое артистическое дарование, которых ему раньше не доставало, и стал исключительно популярным лектором и руководителем семинаров [32].

Из кратких биографических экскурсов, включенных Ф. Ф. Зелинским в научно-популярные сочинения, мы узнаем немало любопытной информации о его видении предназначения университетского курса Древней истории, об отношении к преподавательскому труду, о восприятии профессорской деятельности. Ф. Ф. Зелинский считал, что «наука о Древнем мире есть наука о мире» [33]. Она объединяет все дисциплины на почве явлений, подобно тому как философия объединяет их на почве универсальных принципов. «Математик, химик, даже лингвист может весь свой век провести взаперти, внутри тех четырех стен, которые окружают избранную им специальность; филолог этого не может, если только он хочет быть ученым, а не ремесленником. А результатом этого постоянного общения с другими науками [к их числу он относил юриспруденцию, военное и морское дело, политические и социальные науки, эстетику, естествознание, антропологию [34]. – М. Н., Т. П.] являются широкий кругозор, сознание единства общенаучного знания и уважение к отдельным его частям» [35].

Как «человек, выросший на античности» [36], он гордился тем, что может заниматься исследованиями Древнего мира – «в высшей степени широкой, богатой и разнообразной области знаний», своеобразного и «законченного в себе “мира”», который, тем не менее, по его соображениям, был соединен «тысячью, большей частью неосознаваемых нитей» с современным миром, с умственной и нравственной культурой современности [37]. Принадлежность к «семье ученых», занимавшихся истолкованием античности [38], – «общей плоскости отправления всех идей, которыми мы живем теперь» [39], он воспринимал и как особую честь, выпавшую на его долю, и как человеческое счастье [40].

Болезненно перенося процесс падения интереса российского общества к античной культуре, происходивший не без вмешательства реформ в сферу образования, Ф. Ф. Зелинский осознавал свою миссию преподавателя в том, чтобы возродить интерес к истории Древней Греции – «родительнице нашей культуры» [41], привить любовь молодежи к творчеству эллинских поэтов – «учителей человечества» [42], создателей «сокровищницы нашей умственной культуры» [43]. Понимая, что возможность выполнения этих задач зависит от многих составляющих: богатства содержания лекций, умения привлечь аудиторию к тщательному анализу разбираемых текстов, способности преподавателя проникновенной и выразительной речью увлечь за собой [44], – он

делится с нами своими ощущениями от восприятия слушателями информации, сообщаемой преподавателями Новой и Древней истории: «Если профессор Новой истории сухо и водянисто излагает свой предмет, то аудитория говорит: “Лектор неинтересно читает”; но если то же самое делает профессор античной словесности, то она говорит: “Античная словесность неинтересна”. Таким образом, этот последний несет двойную ответственность – и за себя и за свой предмет; и всякий, берущий на себя эту задачу, должен это помнить» [45].

Оценивая лекции своих коллег-филологов и собственную манеру изложения материала, Ф. Ф. Зелинский пришел к уверенности в том, что «академическое чтение» несовместимо с импровизационным и полумимовизационным характером выступления. В то же время «университетский лектор, читающий “с тетрадки”», также вызывал его нарекания: он «лишает себя самого драгоценного, что может дать лекция, – живого общения с аудиторией, того неуловимого и все же несомненно магнетического тока симпатии, который при свободном чтении устанавливается между ею и им» [46].

По свидетельствам студента Санкт-Петербургского университета Н. П. Анциферова, к началу XX в. Ф. Ф. Зелинский стал одним из наиболее известных профессоров историко-филологического факультета [47]. Такую характеристику следует воспринимать исключительно лестной, так как к этому времени столичный храм науки переживал свой новый подъем и буквально был переполнен выдающимися учеными, представлявшими гордость российской науки. Студент, самостоятельно строивший свой годичный план работы, мог выбрать занятия «мудрого знатока папирусов... бога Тота» – египтолога Б. А. Тураева, профессора русской истории С. Ф. Платонова, профессора всеобщей истории М. И. Ростовцева, профессора политической экономии М. И. Туган-Барановского, профессора энциклопедии права Л. И. Петражицкого, «друга Карла Маркса» М. М. Ковалевского и других [48].

Но лекции «пана Тадеуша» – так за глаза называли Ф. Ф. Зелинского – неизменно собирали большую часть обучавшейся в университете молодежи, потому что его занятия посещали студенты всех факультетов [49]. Даже «естественники» – люди, далекие от красот эллинской речи и «духа» древней истории, – на его лекциях предавались «пантеистическим переживаниям», воспринимая профессора «воскресшим богом Эллады» [50].

Если прежде на занятиях по классической филологии присутствовали не более пяти человек, то при Ф. Ф. Зелинском, которого А. А. Блок причислял к «истинно интеллигентным и художественным людям» [51], ситуация изменилась до неузнаваемости: зал был не в состоянии вместить всех желающих. Слушатели стояли в проходах, толпились в коридорах. Их увлекали содержание, художественная завершенность, блестящая форма изложения материала профессором [52]. Сам облик преподавателя: высокий рост, «божественный торс», царственная осанка, темные с проседью волосы, обрамлявшие его чуть закинутую голову, курчавая борода «Софокла» – притягивал внимание студентов. Их словно гипнотизировали глаза Ф. Ф. Зелинского: широко раскрытые, они будто отражали «тот мир, который он воскрешал своей вдохновенной речью» [53]. Лектор говорил медленно, торжественно, не заглядывая в лица студентам, а направляя свою речь воображаемым, отдаленным от него зрителем. Бывали моменты, когда он особенно тонко и чутко воспринимал отчаяние и боль своих античных героев. Тогда голос его начинал дрожать, глаза застилала слезы, и он для окружающих превращался в аэда, преемника самого Гомера [54]. Обладая не только великолепной памятью, но и мастерски отработанной силой воображения, способного оживить, сделать зримыми и осязаемыми «кожей» картины жизни древних эпох, он представлял перед студентами как очевидец событий взятия Трои или как свидетель речей, произносимых Цицероном.

Ф. Ф. Зелинский обычно читал свой курс в музее древности. Так называли тогда аудиторию классической филологии [55], у стен которой стояли античные статуи, фрагменты саркофагов, стел. Это окружение гармонировало с вдохновенным обликом профессора, которому удавалось воскресить давно исчезнувший мир древности пафосом своей любви к нему. Поэтому студенты уже не воспринимали героев античных трагедий как «статуи из паросского мрамора»: они превращались в людей – очевидцев и современников тех роковых событий, одержимых страстями, бросающих вызов неотвратимости судьбы, переживающих душевные коллизии. Хотя на лекциях Ф. Ф. Зелинского «поэт порой побеждал ученого», подобно тому как в его переводах «ученый побеждал поэта» [56], никто из студентов не сомневался в исключительной одаренности, ярком таланте, неповторимости и оригинальности своего учителя и наставника, профессора классической филологии «пана Тадеуша».

Во время каникул Ф. Ф. Зелинский организовывал «удивительные семинарии» – путешествия на родину своих излюбленных героев, в Грецию и Рим. Они предназначались для студентов кружка классической филологии и слушательниц Высших женских историко-литературных (Бестужевских) курсов [57]. Уже на борту парохода профессор спешил рассказать своим благодарным ученикам и ученицам греческие мифы о возвращении афинян из Тавриды или Колхиды к родным берегам, и преклоняющаяся перед его мастерством рассказчика аудитория начинала жадно всматриваться вдаль, с нетерпением ожидая увидеть блестящее копьё Афины, венчавшее Акрополь [58]. Добравшись до места назначения, студенты получали возможность ощутить «дух античности»: их преподаватель то перевоплощался в героев трагедий, то своими меткими замечаниями заставлял их поверить в неотвратимое влияние природы на характер греческой «народной души» [59], то помогал осознать немалое воздействие исторического контекста на сознание людей прошлого [60].

Заслуги Ф. Ф. Зелинского на преподавательском поприще не раз получали высокую оценку коллег, а научные достижения пользовались признанием как у филологов, так и у «всеобщих» историков. Об этом свидетельствуют хотя бы материалы чествования профессора в 1909 г. по случаю его пятидесятилетнего юбилея и двадцатипятилетия с начала преподавательской и литературной деятельности [61]. На юбилее присутствовали многие видные деятели образования и науки того времени: ректор Санкт-Петербургского университета И. И. Боргман, проректор Э. Д. Гримм, декан историко-филологического факультета Ф. А. Браун, секретарь факультета С. А. Жебелёв, профессора Н. И. Кареев, И. М. Гревс, М. И. Ростовцев, Ал. И. Введенский и многие другие.

Каждый из выступавших на чествовании юбиляра подчеркивал неопределимые заслуги Ф. Ф. Зелинского на ниве исследовательской деятельности, которые позволили ему занять достойное место в научном сообществе. Декан историко-филологического факультета оповестил собравшихся об избрании Ф. Ф. Зелинского почетным членом Императорского Московского университета. Лестные слова были высказаны не менее прославленными, чем он, коллегами И. М. Гревсом и Н. И. Кареевым, которые охарактеризовали профессора как «редкого ученого, соединяющего с глубокой ученостью в области классической филологии способность возбуждать в каждом живой интерес к классическому

миру», благодаря умению подчеркнуть «преемственную связь современного духовного мира с идеями классической древности» [62]. Немало благодарственных и хвалебных речей прозвучало в адрес Ф. Ф. Зелинского от представителей учебных обществ: исторического, философского, нефилологического, общества классической филологии, членами которых он состоял и в работе которых принимал деятельное участие [63].

Слава, в которой в тот момент купался Ф. Ф. Зелинский, была наградой ему – «ученому, учителю, писателю» – на протяжении десятилетий без устали разрушавшему стереотипы сознания тех своих современников, для которых античность была собранием музейных экспонатов, бесцельно хранившихся на пыльных полках галерей, бесполезной для преобразования действительности наукой. Он воспринимал античный мир «не тихим и отвлекающим от современной жизни музеем, а живой частью новейшей культуры» [64]. Изучая античность с «наклоном к современности», он поставил перед собой грандиозную задачу: изучить «биографию и биологию тех идей, совокупность которых составляет современную умственную культуру» [65], и с энтузиазмом популяризировал греко-римское наследие, «вдохнув новую жизнь в преподавание классических дисциплин» в образовательных учреждениях Санкт-Петербурга [66]. Кроме того, ощущая настоятельную потребность в общении с вдохновлявшими его к творчеству мастерами слова античности, он много занимался переводами.

Выдержавшие несколько изданий подготовленные им переводы XXI книги Тита Ливия («Нашествие Аннибала»), «Царя Эдипа» Софокла [67], речей Цицерона (впервые опубликованные в серии «Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями под редакцией Льва Георгиевского и Сергея Манштейна») были первым шагом на пути осуществления Ф. Ф. Зелинским давно вынашиваемой идеи русского и – шире – славянского Возрождения.

Смысл этой идеи сводился к следующему. Античность – пора расцвета европейской цивилизации – пала под натиском варваров [68]. Они на тысячелетие погрузили Европу во мрак Средневековья. Однако романское Возрождение XIV–XVI вв. и последовавший за ним германский Ренессанс XVIII–XIX вв. позволили европейцам вернуться к античным культурным корням и преодолеть последствия варварства. России и другим славянским народам не пришлось испытать на себе благотворного греко-римского влияния, поэтому здесь потребности души человека в дости-

жении идеалов истины, добра, красоты остались нереализованными. Для того чтобы славяне приблизились к ценностям европейской цивилизации, был необходим славянский Ренессанс, который не только предоставил бы возможность проявить себя задаткам национальных культур, но и оплодотворил бы их «семенем» античных культурных достижений [69].

Общество, не знакомое с достижениями античной культуры, было равнодушно к ней. Чтобы сделать ее понятной и интересной широким массам, превратить в духовную потребность образованных читателей, была необходима пропаганда культурного наследия создателей античной цивилизации. Эта задача увлекла самого Ф. Ф. Зелинского и вдохновила его единомышленников И. Ф. Анненского и В. И. Иванова, которые взялись за переводы трагедий Еврипида и Эсхила. На протяжении долгого времени Ф. Ф. Зелинский занимался введением в культурный обиход высочайших образцов античной литературы. Но этим его просветительская работа не ограничивалась.

В конце XIX – начале XX в. он написал немало статей, раскрывавших его представление о существовании непресекающейся, органической связи между античностью и современной европейской цивилизацией, часть из которых в переработанном виде вошла в первый том цикла «Из жизни идей» (1904 г.) [70]. Второй том этого же цикла, получивший название «Древний мир и мы», в полном объеме увидел свет в 1905 г. [71]. В 1907 г. был опубликован третий том цикла «Из жизни идей» – «Соперники христианства», где автором были рассмотрены «течения античной религиозной и миросозерцательной мысли, которые в большей или меньшей степени удовлетворяли тем же потребностям человеческой души, как и христианство» [72].

Ф. Ф. Зелинский был постоянным автором таких известных периодических журналов, как «Вестник всемирной истории» [73], «Вестник Европы» [74], «Вестник самообразования» [75], «Вопросы философии» [76], «Мир божий» [77], «Научное обозрение» [78], «Северный курьер» [79] и других [80], со страниц которых он стремился распространять «биографию и биологию идей», формирующих современную умственную культуру [81] образованной публики.

Сугубо научная работа Ф. Ф. Зелинского также была направлена на диссеминацию античных аксиологических и художественных идеалов. Следуя «кодексу чести мыслителя» [82], он разрабатывал важные для науки об античности проблемы, исследуя, к примеру, «Комедию сказок в

Афинах» (1886 г.) или значение наследия Цицерона для развития европейской художественной прозы [83].

Владея рядом иностранных языков, Ф. Ф. Зелинский писал свои работы на немецком и польском языках. Публикации за рубежом открывали для осуществления его научной деятельности новые возможности. Кроме того, он приобрел мировую известность, что впоследствии сыграло весьма важную роль в его карьере ученого и преподавателя. Еще в 1907 г. Ф. Ф. Зелинский был избран членом Краковской, а затем и Польской Академий наук. Гордись признанием в Польше и никогда не забывая о своих польских корнях, Ф. Ф. Зелинский встал на защиту соотечественников, судьба которых оказалась в руках государств-участников Первой мировой войны. В 1916 г. он даже входил в делегацию русских поляков, передавших послу США благодарность в связи с выступлениями президента Т. В. Вильсона в поддержку независимости Польши [84].

В 1918 г. Ф. Ф. Зелинский был приглашен заведовать кафедрой классической филологии в Варшавский университет и охотно принял это приглашение, позволявшее ему на практике реализовать давно вынашиваемую идею славянского Возрождения. Однако с обретением новой родины в идее славянского Возрождения появились коррективы: отныне Польша как важнейший компонент славянства становилась в его планах фокусом грядущего Ренессанса [85].

В 1920 г., во время советско-польской войны, определявшей границы Советского Союза и новой Польши, Ф. Ф. Зелинский вернулся в Россию. Петроград был тогда во власти голода и разрухи. Выделенных «Домом ученых» средств на существование профессора и его семьи катастрофически не хватало. Н. П. Анциферов, встретивший Ф. Ф. Зелинского в Институте искусств на вечере, посвященном шестисотлетию со дня рождения Данте, обратил внимание на удобу, неопрятный внешний вид своего учителя, из разорванного башмака которого торчал белый носок, замазанный чернилами [86].

По сообщениям очевидцев тех лет, материальные трудности преследовали большинство ученых. Страх голодной смерти, угроза оконечения в собственной квартире, перспектива «уплотнения» – периодически возвращались вплоть до 1925 г. Организованная советским правительством система пайков, безусловно, способствовала выживанию научной элиты страны, но помощь была нерегулярной, поэтому многие профессора испытывали тяжелейшую нужду. К экономической разрухе добавлялись проблемы в

организации учебной и научной работы: сокращение неактуальных (с точки зрения советской власти) учебных курсов, отсутствие прежних контактов с Западом, почти полное прекращение возможности научных публикаций [87].

Ф. Ф. Зелинский не нашел в себе сил перенести «горький хлеб» в «печальном городе той жестокой поры» [88], хотя поначалу он пытался определить оптимальные для себя формы сотрудничества с новым режимом. Он был готов работать в Экскурсионном институте, созданном после Октябрьской революции. На одном из первых заседаний руководства этого нового учебного центра он даже предложил название науки, которая должна была определять, по его мнению, профиль экскурсионного научно-исследовательского учреждения, – экдромология («странствововедение»). Однако название это не прижилось, и новая наука на свет так и не появилась [89].

В 1922 г. Ф. Ф. Зелинский навсегда покинул Россию и окончательно обосновался в Польше. Как и прежде, он возглавлял кафедру классической филологии Варшавского университета, руководил созданной им школой классической филологии, был одним из редакторов филологического журнала «Еос» – печатного органа Общества польских филологов [90]. Известность Ф. Ф. Зелинского за границей росла. Он стал почетным доктором университетов Гронингена, Оксфорда, Афин; членом Баварской, Британской, Парижской, Румынской академий наук [91]. В 1933 г. ему присвоили звание члена-корреспондента Афинской академии наук и наградили почетным гражданством в Дельфах [92]. С великими почестями Ф. Ф. Зелинского встречали в крупнейших университетах Европы, где ежегодно он выступал на конгрессах и симпозиумах. Он читал лекции в Голландии и Оксфорде [93].

Однако «Совдепия» – так в письмах к Вяч. Иванову он называл советскую Россию [94] – заслуг Ф. Ф. Зелинского за границей не признала и, более того, аннулировала прежние: в 1928 г. решением общего собрания АН СССР почетный академик Ф. Ф. Зелинский был исключен из состава Академии [95]. Жизнь профессора омрачала также неутрахающая тревога за судьбу близких, оставшихся в России. Его волнения были не напрасны: вторая жена Ф. Ф. Зелинского С. П. Червинская и дочь от первого брака Амата дважды находились за решеткой. В сталинских застенках погибли два его внука, а также внебрачный сын Адриан Пиотровский [96].

После 1922 г. имя Ф. Ф. Зелинского, окруженного почетом и признанием в Европе, почти полностью предается забвению в России «“Краткая литературная энциклопедия” с каждым новым изданием отводит тексту под именем Ф. Ф. Зелинского все меньше строк, а “Большая советская” и вовсе о нем умалчивает» [97]. В «Очерках истории исторической науки в СССР» имя ученого вскользь упоминается в ряду тех специалистов, труды которых «не могут быть названы марксистскими» [98]. В советскую эпоху имя Ф. Ф. Зелинского было известно лишь узкому кругу специалистов. Оно мелькало в оглавлениях хрестоматий и сборников античной литературы, в сносках и комментариях исследований, как правило, посвященных русской культуре серебряного века. Каждому новому поколению читателей Ф. Ф. Зелинский становился все менее и менее известным: из знаковой фигуры переломной эпохи российского государства он превращался в «фоновый персонаж» [99].

Интерес к персоне Ф. Ф. Зелинского в России падал не только потому, что он приобретал все больший авторитет на Западе. Концепция «идеологизма» – теоретический фундамент работ ученого – считалась ошибочной и шаткой конструкцией изучения истории древних обществ. Недоверие профессора к «экономическому материализму», его вызывающее пренебрежение к узаконенной советской наукой социально-экономической и социально-политической проблематике в качестве ведущего направления исторических исследований – могли расцениваться как вызов молодому социалистическому государству, утверждавшему единственно верную исследовательскую парадигму – исторический материализм.

Контакты с российскими эмигрантами, в том числе и диссидентами, превращали Ф. Ф. Зелинского в политически неблагонадежную фигуру, что не могло не отразиться на официальном признании заслуг профессора.

Профессиональная деятельность Ф. Ф. Зелинского и его благополучная карьера оборвались в 1939 г., когда германские оккупационные войска вошли на территорию Польши и закрыли Варшавский университет. Профессор какое-то время продолжал жить в одном из университетских разбомбленных, полуразрушенных зданий, пока не был вывезен сыном Феликсом, наполовину немцем [100], в Баварию. Продолжая в уединении трудиться над многотомным сборником «Религия античного мира», Ф. Ф. Зелинский подписывался под публикациями как профессор Варшавского университета [101], к тому времени

уже уничтоженного завоевателями. Так проявлялись его верность вновь обретенной родине и память о корнях генеалогического древа.

Ф. Ф. Зелинский скончался в Унтершендорфе (Бавария) в 1944 г.

Примечания

1. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Становление историка в Императорской России // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. (Гуманитарные науки). – 2011. – № 1. – С. 13–22; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Р. Ю. Виппер – историк московской школы // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. (Гуманитарные науки). – 2011. – № 2. – С. 44–50.
2. Творчество Ф. Ф. Зелинского нашло отражение в следующих наших публикациях: Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Теория прогресса в методологических построениях Ф. Ф. Зелинского // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1. – С. 217–227; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Вопросы этнопсихологии античных народов в трудах Ф. Ф. Зелинского // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2. – С. 182–189; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Теоретико-методологические основы творческого наследия Ф. Ф. Зелинского // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 3. – С. 191–196; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Научная мысль конца XIX – начала XX века и рефлексии Ф. Ф. Зелинского // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 4. – С. 227–235; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Ф. Ф. Зелинский и идея славянского возрождения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 3. – С. 217–227; Перфилова Т. Б. Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф. Ф. Зелинского: монография. – Ярославль, 2009.
3. Добронравин Н. А. Древнегреческая трагедия в Новой Европе, или судьба Фаддея Зелинского // Зелинский Ф. Ф. Возрожденцы: научно-популярные статьи. – СПб., 1997. – С. 319.
4. Чествование Ф. Ф. Зелинского // Исторический вестник: историко-литературный журнал. – СПб., 1909. – Т. 115. – С. 1252.
5. Лукьянченко О. Вертикаль жизни Фаддея Зелинского [Электронный ресурс] // <http://www.rulex.ru/01130409.htm>
6. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1992. – Т. 2. – С. 336.
7. Жебелёв С. А. Из университетских воспоминаний // Анналы: Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской академией наук / под ред. Ф. И. Успенского, Е. В. Тарле. – Пг., 1922. – № 2. – С. 168, 169.
8. Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы // Из жизни идей. – Т. 2. – СПб., 1911. – С. 64.
9. Добронравин Н. А. Указ. соч. – С. 320.
10. См.: ЖМНП. – Кн. 4. – С. 133–242; – кн. 5. – С. 243–309; – кн. 6. – С. 311–368.

11. Кузьмина И. В., Лубков А. В. Князь Шаховской: Путь русского либерала. – М., 2008. – С. 53, 54.
12. Там же. – С. 55.
13. Там же. – С. 61.
14. Жебелёв С. А. Указ. соч. – С. 169.
15. Жебелёв С. А. Указ. соч. – С. 169.
16. Там же.
17. Там же. – С. 168, 169.
18. Там же. – С. 169.
19. Там же.
20. Жебелёв С. А. Указ. соч. – С. 169, 170.
21. Там же. – С. 171.
22. Там же. – С. 170.
23. Жебелёв С. А. Указ. соч. – С. 173.
24. Там же. – С. 172, 173.
25. Там же. – С. 172.
26. Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. – С. 1; *Он же*. История античной культуры. 2-е изд. – СПб., 1995. – С. 7.
27. Жебелёв С. А. Указ. соч. – С. 177.
28. Там же.
29. Зелинский Ф. Ф. Памяти И. Ф. Анненского // Из жизни идей. – Т. 2. – С. 367.
30. Жебелёв С. А. Указ. соч. – С. 177.
31. Жебелёв С. А. Указ. соч. – С. 177, 178.
32. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. – М. – СПб., 2002. – Т. 2. – С. 22.
33. Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. – С. 126.
- Курсив Ф. Ф. Зелинского.
34. Там же. – С. 64.
35. Там же. – С. 126.
36. Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. – С. 89.
37. Там же. – С. 20.
38. Там же; Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 2. Предисловие ко второму изданию. – С. VII.
39. Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. – С. 70.
40. Там же. – С. 20.
41. Зелинский Ф. Ф. Воскресшие поэты // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 96.
42. Там же. – С. 125.
43. Там же. – С. 129.
44. Зелинский Ф. Ф. Памяти И. Ф. Анненского // Из жизни идей. – Т. 2. – С. 368–370.
45. Там же. – С. 369.
46. Зелинский Ф. Ф. Памяти И. Ф. Анненского. – С. 367.
47. Анциферов Н. П. Из дум о былом: воспоминания. – М., 1992. – С. 157.
48. Там же. – С. 156, 161.
49. Там же. – С. 157.
50. Там же.
51. Русские писатели. 1800–1917. – С. 336.
52. Лукьянченко О. Указ. соч.
53. Анциферов Н. П. Указ. соч. – С. 157, 158.
54. Там же.
55. Чествование Ф. Ф. Зелинского // Исторический вестник. – СПб., 1909. – Т. 115. – С. 1251.
56. Анциферов Н. П. Указ. соч. – С. 158.
57. Анциферов Н. П. Указ. соч. – С. 157; Зелинский Ф. Ф. Памяти И. Ф. Анненского. – С. 364, 367.
58. Кстати сказать, путешествия на родину античных богов и героев организовывал не только Ф. Ф. Зелинский. Проф. И. М. Гревс также считал подобные экскурсии «орудием научного изучения истории». См.: Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как орудия изучения истории в университетах (Поездка в Италию со студентами в 1907 г.) // ЖМНП. – 1910. – № 7. – С. 46.
59. В «Предисловии» к книге Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» И. М. Гревс сообщает о том, что «город – одно из сильнейших и полнейших воплощений культуры... Когда колеблется жизненность великой культуры, сердце невольно влечется погрузиться в нее лучше, ее разгадать, слиться с ней сильнее... Хождение по памятникам ее становится при этом специфически дорогим делом, хочется особенно жгуче проникнуть в тайну того, что они говорят» (Пг., 1922. – С. 9).
60. Анциферов Н. П. Указ. соч. – С. 157.
61. Зелинский Ф. Ф. Идея нравственного оправдания // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 5.
62. Зелинский Ф. Ф. Еврипид в переводе И. Ф. Анненского («Алкеста» и «Медея») // Из жизни идей. – Т. 1. – С. 350.
63. Чествование Ф. Ф. Зелинского // Исторический вестник. – СПб., 1909. – Т. 115. – С. 1251–1253.
64. Там же. – С. 1252.
65. Там же.
66. Зелинский Ф. Ф. Из предисловия к первому изданию // Из жизни идей. – Т. 1. – С. V.
67. Зелинский Ф. Ф. Из предисловия к первому изданию // Из жизни идей. – Т. 1. – С. V.
68. Добронравин Н. А. Указ. соч. – С. 320.
69. До недавнего времени переводы трагедий Софокла, которым Ф. Ф. Зелинский отдал двадцать лет жизни, считались непревзойденными. См.: Российский гуманитарный энциклопедический словарь. С. 22. В последних публикациях, наряду с признанием колоссальных заслуг ученого в познании «интимного мира древних греков» через приобщение русского читателя к греческой трагедии, обращается внимание на модернизацию Ф. Ф. Зелинским языка, образа мыслей и чувств персонажей Софокла, которым он навязывал психологию человека рубежа XIX–XX вв. Подчеркивается также, что в переводах трагедий Софокла очень ярко отражаются мировоззренческая и эстетическая концепции самого ученого. См.: Ярхо В. Ф. Ф. Зелинский – переводчик Софокла // http://thelib.ru/books/yarho_valeriy/ffzelinskiy_perevodchik_sofokla-read.html. – С. 9, 21.
70. Белкин М. В. Тема Цицерона в творчестве Ф. Ф. Зелинского // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э. Д. Фролова. – СПб., 2002 // <http://www.centant.pr.ru>. – С. 4.
71. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры / под ред. С. П. Заикина. – 2-е изд. – СПб., 1995. – С. 366, 367; Лукьянченко О. Указ. соч.
72. Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – 1-е изд. – СПб., 1904; – 2-е изд. – СПб., 1908. Мы обращаемся к третьему изданию этого сборника, увидевшему свет в Петрограде в 1916 г.

73. *Зелинский Ф. Ф.* Древний мир и мы: Лекции, читанные ученикам выпускных классов Санкт-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. // Из жизни идей. – 1-е изд. – Т. 2. – СПб., 1903; – 2-е изд. – СПб., 1905. Мы используем материалы третьего издания этого сборника, опубликованного в Санкт-Петербурге в 1911 г.
74. *Зелинский Ф. Ф.* Соперники христианства: Статьи по истории античных религий // Из жизни идей. – Т. 3. – СПб., 1907. Предисловие. – С. V.
75. См., к примеру: *Зелинский Ф. Ф.* Первое светопреставление // Вестник всемирной истории. – 1899. – № 12.
76. *Ф. Ф. Зелинский* называл «Вестник Европы» «старинным и почтенным» журналом и гордился двадцатилетним сотрудничеством с его редакцией. См.: *Зелинский Ф. Ф.* Возрожденцы. – СПб., 1997. Предисловие. – С. 8.
77. В этом журнале были впервые опубликованы следующие работы автора: Античная гуманность // Вестник Европы. – 1898. – № 1; Рим и его религия // Вестник Европы. – 1898. – № 1–2; Мотив разлуки // Вестник Европы – 1903. – № 10; Античная Ленора // Вестник Европы. – 1906. – № 3.
78. См., к примеру: *Зелинский Ф. Ф.* Золотой век // Вестник самообразования. – 1903. – № 2.
79. См., к примеру: *Зелинский Ф. Ф.* Древнее христианство и римская философия // Вопросы философии. – 1903. – № 1.
80. См., к примеру: *Зелинский Ф. Ф.* Идея нравственного оправдания // Мир божий. – 1899. – № 2; Новый памятник древнеримского быта // Мир божий. – 1904. – № 6.
81. См., к примеру: *Зелинский Ф. Ф.* Происхождение комедии // Научное обозрение. – 1903. – № 1, 2.
82. См., к примеру: *Зелинский Ф. Ф.* Менандр // Северный курьер. – 1900. – № 9; Ницше и античность // Северный курьер. – 1900. – № 2.
83. См., к примеру: *Зелинский Ф. Ф.* Античный мир в поэзии А. Н. Майкова // Русский вестник. – 1899. – № 7; Герод // Филологическое обозрение. – 1892.
84. *Зелинский Ф. Ф.* Из предисловия к первому изданию // Из жизни идей. – Т. 1. – С. V.
85. Там же. – С. VII.
86. *Зелинский Ф. Ф.* Цицерон в истории европейской культуры // Вестник Европы. – 1896. – № 2.
87. Вышеперечисленные статьи (прим. 1–10) после редакторской правки были включены в сборники *Ф. Ф. Зелинского* «Из жизни идей» (Т. 1–3) и «Возрожденцы».
88. *Добронравин Н. А.* Указ. соч. – С. 321.
89. Литературная энциклопедия. – С. 333, 334; Русские писатели. 1800–1917. – С. 337.
90. *Анциферов Н. П.* Указ. соч. – С. 160.
91. *Кузьмина И. В.*, *Лубков А. В.* Указ. соч. – С. 292–295.
92. *Анциферов Н. П.* Указ. соч. – С. 160.
93. Там же.
94. Пять писем *Ф. Ф. Зелинского* к Вяч. Иванову / Подготовка текста и прим. *Е. А. Тахо-Годи* // file://F:/Зелинский / ПЯТЬ ПИСЕМ. htm. Письмо 1; письмо 3, комментарии.
95. *Добронравин Н. А.* Указ. соч. – С. 322.
96. Пять писем *Ф. Ф. Зелинского*... Письмо 5.
97. Там же. Письмо 4.
98. Там же. Письмо 1.
99. Там же. Письмо 1; письмо 3, комментарии.
100. Там же. Письмо 1, комментарии; *Вольфиун Л. Amata Mea* // Звезда. – 1997. – № 4. – С. 178–184; *Лукьянченко О.* Указ. соч.
101. *Лукьянченко О.* Вертикаль жизни Фаддея Зелинского // <http://www.relga.rsu.ru/n52/cult.52.htm> – 2004.
102. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. *М. В. Нечкиной*. – М., 1966. – Т. 4. – С. 579.
103. *Лукьянченко О.* Указ. соч.
104. Первая жена *Ф. Ф. Зелинского*, Луиза Гибель, была немкой. См.: *Добронравин Н. А.* Указ. соч. – С. 320.
105. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – С. 22.